

RU

Ментальная лексика бурятского эпоса «Абай Гэсэр» и особенности ее синтагматики

Бадмаева Л. Д.

Аннотация. Цель исследования - выявление особенностей дистрибуции, архаики, собственной/несобственной сочетаемости ментальной лексики диалектной версии бурятского эпического текста. В работе определяется лексико-грамматическая специфика синонимических глаголов и существительных, объединяющихся по значениям 'понимать', 'подумать' и 'ум' соответственно. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые анализируется ментальная лексика эпоса и ее сочетаемость. Результаты показывают преобладание собственной сочетаемости в противовес несобственной в названной лексике, малочастотность глаголов ухагнаха, ухаха, ойлохо и их архаичность для литературного бурятского языка.

EN

Syntagmatic Peculiarities of Mental Vocabulary in the Buryat Epic Text "Abai Geser"

Badmaeva L. D.

Abstract. The research objectives are as follows: to identify distributional features of mental vocabulary in a dialectal version of the Buryat epic, to show its archaic nature, to reveal combinatorial peculiarities of these lexical units. The author focuses on identifying lexico-grammatical peculiarities of synonymous verbs and nouns with the common semantic components "to understand", "to think" and "mind". Scientific originality of the paper lies in the fact that the researcher for the first time analyses mental vocabulary of the Buryat epic, identifies its combinatorial peculiarities. The following conclusions are justified: the lexical units under study combine mostly with the words of the same synonymic row, the verbs ухагнаха, ухаха, ойлохо are not frequent in the modern Buryat literary language and are perceived as archaic.

Введение

Устное поэтическое творчество как один из жанров бурятского фольклора ярким образом представлено в героических сказаниях-улигерах, отражающих не только древние периоды истории народа, но и его язык, бытовавший как во времена их создателей, так и чтецов-сказителей. Богатейший материал, собранный энтузиастами-исследователями, служит источником для исследований бурятской Гэсэриады, которые имеют уже длительную историю, их начало можно обозначить концом XIX в., начиная с трудов, напр., Г. Н. Потанина [18]. Большая доля исследований бурятских улигеров посвящена различным аспектам самой эпической традиции, в то время как проведение анализа их языкового своеобразия значительно уступает в этом плане (имеется в виду не качественно, а количественно). Из довольно ограниченного числа работ, посвященных языку улигеров или связанных с ним, можно назвать некоторые, напр., труды М. П. Хомонова [24], С. Ш. Чагдурова [26], В. И. Рассадина [19], Д. Д. Санжиной [20; 21], Д. А. Бурчиной [7], Е. О. Хундаевой [25]. Среди перечисленных выше работы М. П. Хомонова, С. Ш. Чагдурова представляют монографические исследования, другие относятся к статьям. Тексты бурятских улигеров отражают мир человека, как внешний, так и внутренний, во времена своего традиционного бытования, чему способствует в немалой степени язык сказаний. Названные миры отличаются между собой в первую очередь тем, что внешний – может быть физически наблюдаемым, внутренний – физически не наблюдаем. Представляется, что внутренний мир человека будет более доступным при анализе тех языковых средств, которыми он выражается. Непосредственным языковым средством, отражающим умственную деятельность персонажей эпоса, является ментальная лексика. Изучение языковых аспектов диалектных вариантов эпоса чрезвычайно важно для дальнейшего поиска взаимосвязей их языка с литературной нормой для прогностики путей их общего развития. Сказанное выше определяет актуальность

исследования, направленного на изучение особенностей внутреннего мира человека, проявляющихся посредством языка бурятского эпического текста.

Для достижения поставленной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) проанализировать лексико-грамматическую специфику ментальных лексем; 2) определить синонимические ряды в выборке из эпоса языковых фактов выражения умственных действий, обозначений «органов», их воспроизводящих; 3) выявить явления собственной и несобственной сочетаемости в сформированной группе ментальных лексем с их особенностями; 4) идентифицировать признаки денотатов, обозначаемых непредметными именами.

Для выявления особенностей синтагматики ментальной лексики бурятского эпоса в статье применяются следующие методы исследования: дистрибутивно-статистический, сравнительный, описательный и метод сплошной выборки.

Теоретической базой служат труды, перечисленные во Введении, и работы А. И. Уланова [23], В. В. Морковкина [16], О. О. Борискиной [4; 14], А. А. Кретьева и Н. Е. Васильевой [14], Ц. Б. Будаева [6], Н. Н. Поппе [17].

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в формировании новых словарных изданий, в грамматической и семантической разметке соответствующих корпусных ресурсов, в практике преподавания диалектологии, истории бурятского языка.

Специфика ментальных лексем эпического текста

Источником вышеназванной лексики является вариант улигера «Абай Гэсэр», записанный И. Н. Мадасоном от сказителя Пёохона Петрова [1] и изданный с вступительной статьей, параллельным переводом на русский язык и комментариями А. И. Улановым. Данный текст относится к унгинской версии западнобурятской Гэсэриады. Составитель издания указывает: «Бурятский текст подготовлен к печати с сохранением всех особенностей оригинала собирателя...» [23, с. 12] (в орфографии печатного издания вместо бурятской буквы *у* может быть *у*, напр. *хун* вместо *хүн* 'человек'). Обращение к тексту, который «записан так, как говорил улигершин, со всеми архаическими, диалектными, заимствованными словами» [Там же, с. 10], представляется целесообразным для пополнения языковой картины мира бурят и выявления его национальной категоризации на основе вербальных данных.

Из вышеназванного улигера выявлены следующие слова и выражения, отражающие сущности/денотаты, иначе говоря, «органы» и действия сугубо ментальной сферы (в круглых скобках – показатель частотности): 1. *мэдэхэ* 'знать, понимать' [9, с. 573] (36); 2. *мэдээн* 'сознание, чувство' [Там же, с. 574] (9); 3. *ой* 'ум, разум; память' [10, с. 16] (1); 4. *ойндоо оруулха* 'запоминать, вспоминать, припоминать' [Там же] (2); 5. *ойндоо ханаха* 'подумать' (ввиду отсутствия в словаре значения по переводу источника) [1, с. 231] (1); 6. *ойлгохо* 'понимать' [10, с. 17] (18); 7. *ойлохо* (!) 'понимать, разбираться' (ввиду спорности использования данного глагола в источнике здесь и далее в скобках к нему в соответствующих местах будет сохраняться восклицательный знак) [Там же] (2); 8. *ухаагнаха* 'понимать, соотносить' [Там же, с. 311] (3); 9. *ухаан* 'ум' [Там же] (12); 10. *ухаха*, слово отсутствует в бурятских словарях, напр., [Там же], ср. х.-монг. *ухах* 'понимать, разуместь' [3, с. 377], письм.-монг. *ицааги* 'разуметь, понимать, загадывать, мысленно соотносить' [13, т. 1, с. 357] (3).

При частеречном подразделении можно видеть глаголы *мэдэхэ*, *ойндоо оруулха*, *ойндоо ханаха*, *ойлгохо*, *ойлохо* (!), *ухаагнаха*, *ухаха* и имена существительные *мэдээн*, *ой*, *ухаан*. Далее представим некоторые лексические особенности по вышеперечисленным словарным единицам.

При анализе парадигмы спряжения в выделенной группе наиболее частотного глагола *мэдэхэ* обнаруживаются 12 его словоформ, среди которых наблюдаются формы всех времен (настоящего, будущего, прошедшего), причастная форма в орудном падеже, деепричастные формы (соединительное, разделительное, целевое, слитное), совпадающие с их литературными формами. Специфическая особенность говора проявляется лишь в форме *мэдэхымтэ* с вопросительным/отрицательным смыслом: (1) «Гэртээ юндэ харихамнайб, Улаһы юуеһинь мэдэхымтэ» – гэлэ [1, с. 124]. / '– Зачем нам домой уходить, не знаете, что задумали люди'.

В рассматриваемом тексте встречается специфическая словоформа *ойлогхы*, соответственно сугубо диалектная. Приведем фрагмент текста с данной формой: (2) *Тиһэн хойно Шараабли гурбан хаадууд: «Энэ хун хэрээ Алаг шаажагай хоёри Үнээрээ хэлэхын ойлогхы, Худалаар хэлэхын ойлогхы» – гэлсэжэ, Ганга Зада шубуу Бүтээе гээд зүбшөө* [Там же, с. 113]. / 'Потом шараблинские три хана говорят: – Этот черный ворон и эта белобокая сорока правду ли говорят – не поймешь, кривду ли говорят – не поймешь. И решили они сотворить Ганга зада птицу' (оригинальные тексты и переводы даны здесь и в других примерах по изданию без изменения орфографии источника). Объяснения данной формы в грамматическом плане проблематичны. Предположительны следующие версии объяснения: 1) разговорная сокращенная форма аларо-унгинского говора от глагола *ойлохо* с или без вопросительной частицы, возможно со стяжением; 2) разговорная форма от *ойлгохо*. Д. А. Бурчина, одна из ведущих исследователей Гэсэриады, подтверждает вероятность данных нами объяснений. А. И. Уланов указывает, что был выбран принцип смыслового перевода с сохранением всех оттенков смысла [23, с. 10, 11], что представляется совершенно справедливым. Исходя из мнения составителя издания, невозможно сомневаться как в вышеприведенном переводе, так и в переводе всего улигера в целом [1].

Первая версия предположительного объяснения формы *ойлогхы* полагается на мнение бурятоведа-диалектолога Ц. Б. Будаева, отмечавшего, что в западном наречии бурят в качестве вопросительной частицы бытуют частицы *йи*, *й*, *иш*, орфогр. *ы* [6, с. 44]. Здесь нет абсолютной идентичности рассматриваемой формы описанию названного автора, при следовании которой, вероятно, форма выглядела бы следующим образом:

ойлоны – понимаете ли / понятно ли? Представляется, что частица *ы* наблюдается в вышеприведенной форме *мэдэ-х-ы-м-тэ*, которую буквально можно перевести ‘знаете ли’. Вероятно, здесь можно видеть стяжение причастной формы будущего времени с частицами, вопросительной и усеченными вариантами утвердительной и лично-предикативной множественного числа.

Глагол *ойлохо* в бурятско-русском словаре [10, с. 17] имеет помету «старомонг.», которая свидетельствует, соответственно, о том, что слово фиксируется в письменных текстах на вертикальной графике, поскольку практически все старомонгольские словари составлены на материале соответствующих текстовых вхождений. Согласно монгольско-русско-французскому словарю [13, т. 1, с. 332], старомонгольская параллель к данному выше бурятскому глаголу в романизированном виде как *oyilaqu* имеет значения ‘заметить, затвердить, упамятовать’. При рассмотрении производности данного глагола вероятным представляется его отыменное образование от *ᠮᠡᠳᠡ* *oi* ‘ум, память’ [Там же, с. 328] посредством аффикса применения *-la (-le)* со значением действия, заключающегося, по объяснению Н. Н. Поппе, в произведении или усвоении того, что выражается данной именной основой [17, с. 127]. Вариации бурятского эпоса Гэсэр представляют устный жанр народного поэтического творчества и, как правило, записывались при декламации, пении или речитативе их знатоков-сказителей. Представляется, что наличие данного глагола в исконно бурятском эпическом произведении, т.е. за пределами старомонгольских текстов, может говорить о том, что он не обязательно является принадлежностью только вертикальной письменности монголов и бурят. Старописьменный монгольский язык не получил такого распространения в западной части этнической Бурятии, как в ее восточной, ввиду чего западно-бурятские сказители, знатоки эпических текстов Гэсэриады на своих диалектах не владели старомонгольской письменностью и, вероятно, были малознакомы с ее литературой. Это не исключает никоим образом самый высокий уровень владения сказителями-улигершинами своих наречий, говоров, диалектов, которые являются одним из основных «родников/источников», обогащавших общий лексический фонд бурят разных принадлежностей в смысле их диалектного распределения, о чем справедливо указывается Ц. Б. Будаевым [6, с. 72].

Глагол *ухаагнаха* отличается в бурятском языке редкой частотностью. В рассматриваемой версии текста Гэсэриады в 12536 строк [22, с. 7], с примерным объемом слов около 50 тыс. единиц, данный глагол встречается три раза, в то время как в Бурятском корпусе (далее – БК), включающем современные тексты объемом в 2,5 миллиона словоупотреблений, не фиксируется [8]. Добавим, на одной строке текста улигершина П. Петрова встречаются в среднем четыре слова. Словообразующий глагольный аффикс *-гна*, посредством которого образован глагол, относится к группе непродуктивных нерегулярных [11, с. 156]. Примером употребления данного глагола может быть следующий: (3) «*Зай, аша хүбүүн, Юу мэдэбэи? Юу ухаагнабаи?*» – *Гэжэ нуран суран һууба* [1, с. 212]. / ‘Когда он зашел, сел и стал спрашивать: – Ну, внук! Что ты **знаешь?** О чем **размышляешь?**’.

Глагол *ухаха* не встречается в бурятских словарях, переводится в данном тексте как ‘размышлять, думать’. Выше указаны его значения ‘понимать, разуместь...’ по данным использованных нами словарей. Думается, что относительно данного глагола также уместно вышеприведенное объяснение к глаголу *ойлохо* (имеется в виду то, что *ухаха* входило в словарный обиход аларо-унгинского говора бурятского языка вне связи с вертикальной письменностью монголов), если склоняться к первому нашему толкованию. Вместе с тем следует отметить то, что если по слову *ойлохо* мы не можем быть абсолютно уверены в его употреблении в рассматриваемом тексте, из-за чего мы выдвинули вторую версию его толкования, то по глаголу *ухаха* можно с уверенностью подтвердить его использование сказителем. Примером такого употребления может быть следующее: (4) *Шэрэм минаата альбан шулма Мэдээн ехэдээ мэдэжэ, Ухаан ехэдээ ухажа, Абай Гэсэр хаан Дай хүйжэ ербэ гэжэ, Орохо ехэ даие Угтахамни гэжэ, Шэрэм минаагаа барижа, Түхөөрэжэ гаширба* [Там же, с. 249]. / ‘Дьявол с чугунным кнутом [Шэрэм Мината] рассудком большим рассудил, **умом** большим **постиг**, что Абай Гэсэр хан войной идет на него, встретить великого пришельца-врага, чугунный кнут взяв, собрался и вышел’. Слово *ухаха* здесь переведено словом ‘постичь/постигать’ для передачи смысла понимания персонажем самой ситуации повествования.

Среди исследователей бурятской Гэсэриады есть, можно сказать, общепринятое мнение о том, что унгинская версия принесена из Монголии хонгодорами и другими этническими группами монголо-ойратского происхождения [12, с. 155] не позднее XVII в. Вероятно, вышеназванный глагол *ухаха*, встречающийся в бурятском улигере, заимствован его наречием вместе с эпическим текстом. Отсутствие же данного глагола в современных бурятских словарях говорит о том, что он не проник далее аларо-унгинского наречия, т.е. не получил распространения в литературном языке.

Из группы рассмотренных словарных единиц *ухаагнаха*, *ойлохо* (!), *ухаха* по данным их частотности и специфике представленности в лексикографии бурятского языка можно сказать, что они «ушли» в разряд архаизмов, в силу чего, соответственно, к периоду формирования его литературного идиома остались за границами его функционирования.

Сложносоставные глаголы [27, с. 138] *ойндоо оруулха*, *ойндоо ханаха* выражают идентичную умственную деятельность такого «органа», как ум: (5) *Ехэ Ёнхобой эгэшимнай Баруун хасартахы хүхэ мүнэгэинь Ямар адалимай Алма Мэргэн хатан мүнэгэдэли Гээд ойндоо оруулаа, Лобсогой хара мангадхайдаа Хэлэхэмни гэжэ ойндоо оруулаа* [1, с. 231]. / ‘И еще **подумала**: «Нашей старшей сестры Ёнхобой синяя родинка на правой щеке как одинакова с родинкой Алма Мэргэн хатан!» «Надо об этом сказать Лобсогой черному мангадхаю», – **подумала**»; (6) *Тиигэжэ һухадаа Урмай Гоохон бэрэе үрөөгөө «Зуун наһа хүрэжэ, Дутаг яргал үзээрээш!» – гэжэ. Урмай Гоохон хатан Яахада иигэжэ үрөөхым гэжэ, Голинь зам ондоомэ хаяада гэжэ, Ойндоо ханажа һуугаа* [Там же]. / ‘Когда так сидела, благопожелание Урмай Гохон невестке сказала: – До ста лет доживи, неполное счастье познай! Урмай Гохон хатан **подумала про себя**: «Почему так блага желает, обычаи, видно, другие»’.

Синонимические ряды ментальных лексем эпического текста

Как видно по небольшому списку глаголов, выявленных из эпоса [Там же] и передающих процессы умственной деятельности человека, все простые слова, т.е. однословные, находятся между собой в синонимических отношениях за счет своего значения 'понимать'. Иными словами, можно сказать, что данные глаголы образуют синонимический ряд, в котором наиболее частотным является *мэдэхэ*, как уже сказано выше. Далее представим элементы данного ряда в соответствии с показателями их убывающей частотности: *мэдэхэ* (36), *ойлгохо* (18), *ухаагнаха*, *ухаха* (3), *ойлохо* (!) (2). Другой синонимический ряд образуется двумя сложными глаголами по значению 'подумать': *ойндоо оруулха* (2), *ойндоо ханаха* (1).

Слово *мэдээн*, имеющее несколько значений в литературном бурятском языке 'сведение, информация, весть; сознание, чувство', в эпосе [Там же] переводится как 'рассудок', см. пример (4) выше. Обозначение 'рассудка' словом *мэдээн* вне эпического произведения не является характерным для бурятского языка. Здесь можно отметить, что через устное поэтическое произведение бурят наблюдается подразделение «органов» умственной деятельности: на рассудок и ум. Лексема *мэдээн* имеет меньшую частотность, чем *ухаан*, по данным текста. Вероятно, названные лексемы в силу своей дистрибуции и сочетаемости в рассматриваемом тексте являются синонимами, к которым следует добавить лексему *ой* 'ум, разум; память'. Данное слово в двух случаях является компонентом сложного глагола, как в примерах (5), (6). Как простое слово отмечается в тексте эпоса только один раз, как в примере (9). Синонимический ряд имен существительных составляется следующим образом: *мэдээн*, *ой*, *ухаан*.

В эпосе [Там же, с. 20] слово *мэдээн* встречается в устойчивом словосочетании *мэдээндэ орохо / оруулха* 'войти / заставить войти под начало или владение кого-то; стать / заставить стать подданным' в значении, отличном от тематики изучаемой нами лексики, рассмотрение которого не входит в задачи нашего исследования. В современном бурятском языке, представленном в БК, данная лексема употребляется в соответствии со словарными значениями 'сознание, чувство' [9, с. 574], а также в значении вышеприведенного устойчивого словосочетания.

Сочетаемость ментальных лексем эпического текста

Рассмотрение дистрибуции искомым нами лексем свидетельствует об их собственной и несобственной сочетаемости [4, с. 8; 14, с. 61; 16, с. 19-25]. Данные слова встречаются в рассматриваемом источнике в сочетании между собой, что мы называем вслед за В. В. Морковкиным «собственной сочетаемостью» [16]. Подобные сочетания лексем интеллектуальной деятельности человека со словами не ментальной сферы называем «несобственной сочетаемостью», также по вышеупомянутому автору [Там же].

Примерами собственной сочетаемости могут быть следующие: (7) ...*Абай Гэсэр хаан, Гушан гурбан баатара дахуулан, Хонин хотой урамдаа, Хожюур хобор дайдада, Альбан хиидхүүр газарта Ара биидээ – Арбан түмэн нюдэтэй, Үбэр биидээ – Дурбэн түмэн нюдэтэй, Орой дээрээ – Одон сагаан нюдэтэй Гал Дүлмэ хаае Дайлхая ошобо гэжэ, Сагаан баатар Мэдээн ехэдээ мэдэбэ, Ухаан ехэдээ ухаба* [1, с. 204]. / '...Абай Гэсэр хан с тридцатью тремя баторами в страну Хонин Хоту, пустынную голую землю, в край злых духов-ветров отправился сразиться с Гал Дүлмэ ханом, у которого на спине сто тысяч глаз, а на груди сорок тысяч глаз, на макушке звездно-белый глаз. Об этом Белый батор **рассудком своим рассудил, умом великим понял** и прибыл, решил посмотреть битву двух могучих мужей'; (8) *Тишгээд зугаалажа нуухадаа, Сагаан баатар «Абай Гэсэр хаан Гал Дүлмэ хаанда дай хэжэ ошохоё байна гэжэ Мэдээндээ мэдэжэ, Ухаандаа ойлгожо гаширээб!» – гэнэ* [Там же]. / 'Когда так беседу повели, Белый батор сказал: – Я прибыл, **рассудком рассудив, умом уразумев**, что Абай Гэсэр хан отправился на Гал Дүлмэ хана войной'. Случаи несобственной сочетаемости выявляются в следующем виде: (9) *Алба Мэргэн хатан Урмай Гоохон хатани Ойень буруу эрьюулээдхөө* [Там же, с. 231]. / 'А Алма Мэргэн хатан **думы** Урмай Гоохон хатан **наоборот изменила**'. Выражение с несобственной сочетаемостью *Ойень буруу эрьюулхэ* дословно переводится 'ум неправильно повернуть', слово *ой* переводчиком дано как 'думы'.

В рассматриваемом нами лексическом материале рассмотрена собственная сочетаемость, исходя из постулата В. В. Морковкина о том, что «непредметные имена ограничены или лишены собственной сочетаемости» [Цит. по: 5, с. 63]. Количественные показатели собственной сочетаемости исследуемых нами словарных единиц можно показать следующим образом в порядке их уменьшения: *ойлгохо* 'понимать' – 18; *мэдэхэ* 'знать, понимать' – 16; *ухаан* 'ум' – 12 (9 – с *ойлгохо*, 3 – с *ухаха*); *мэдээн* 'сознание, чувство' – 9; *ухаха* 'понимать' – 3.

Итого, случаев собственной сочетаемости в тексте бурятского улигера наблюдается 58. Всего случаев употребления искомой лексики в улигере засвидетельствовано 97, что показывает преобладание случаев собственной сочетаемости. В исследовании современного лексического материала бурятского языка, пусть даже ограниченном одной языковой единицей ментальной сферы, обнаруживается обратный результат, т.е. преобладание несобственной сочетаемости [2, р. 45]. Такое обстоятельство, вероятно, можно объяснить разницей, во-первых, временной (А. И. Уланов на вечере по эпосу «Гэсэр» в 1948 г. говорил, что он является произведением, бытующим на протяжении веков у бурят [15], а тексты на современном бурятском языке начали создаваться с конца 1-й половины XX в.). Во-вторых, здесь наличествует противопоставление «диалект vs литературный язык». В-третьих, улигер – это устный поэтический текст, а современный бурятский язык

представлен в БК в преобладающем большинстве художественной прозой. Представляется, что это основные факторы, влекущие к разнице вышеназванного результата. Понятно, что временной фактор говорит о том, что язык, даже диалект, говор никогда не остаются раз и навсегда данными. Общеизвестно, что они подвергаются закономерным изменениям и эволюции.

Денотаты ментальных лексем

Рассмотрение сочетаемости языковых единиц позволяет проследить признаковую природу сущностей, обозначаемых непредметными именами, в данном случае ментальными, которые по тексту [1] составляют один синонимический ряд, объединяющийся значениями 'ум, рассудок': *мэдээн, ой, ухаан*. Несмотря на то, что предметом исследования здесь стала небольшая часть ментальной лексики, значимость ее изучения можно подтвердить важностью рассмотрения малочастотных фактов при выявлении скрытой категориальности языка [4, с. 23].

Из вышеуказанного рассмотрения можно видеть при буквальном переводе лишь одно обозначение признака ума как его большой размер в словосочетаниях *мэдээн ехэдээ* и *ухаан ехэдээ* 'ввиду большого своего ума / поскольку ума своего много', как в примерах (4), (7). В источнике переводы *Мэдээн ехэдээ* имеют следующие вариации (указывается показатель частотности): 'светлый ум' – 7, 'светлый рассудок' – 2, 'великий рассудок' и 'большой рассудок' – по 1. Вариации перевода *ухаан ехэдээ* выглядят следующим образом: 'великим умом' – 3; 'силой ума' и 'умом своим большим' – по 2; 'умом своим мудрым' – 1. Отсюда, ум/рассудок в выражении *мэдээн ехэдээ* может быть светлым/великим/большим, а в выражении *ухаан ехэдээ* – великим/силой/большим/мудрым. В словосочетании из примера (9) *Ойень буруу эрьюулээдхөө*, букв. 'Её ум неправильно повернули', можно видеть, что на ум человека может быть направлено «физическое» воздействие.

Анализ примеров сочетаемости вышеназванных синонимов показывает следующие признаки денотатов, ими выражаемых как ум/рассудок: 1) размер, 2) наличие света, 3) сила, 4) мудрость, 5) возможность испытания «физического» воздействия. Следует отметить, что данные признаки ума/рассудка выявляются при рассмотрении несобственной сочетаемости ментальной лексики. Слова *ехэ*, букв. 'большой', *эрьюулээдхихэ*, букв. 'быстро повернуть' (переводы автора статьи. – Л. Б.), с которыми синонимы сочетаются в вышеприведённых примерах, не относятся к лексике умственной деятельности.

Заключение

Итак, мы приходим к следующим выводам.

Выборка ментальных лексем эпического текста, охватившая 10 единиц, включает семь глаголов и три существительных. Сравнительное рассмотрение лексики оригинальных фольклорных текстов с современными бурятскими показывает архаичность определенных лексических элементов, также отмечаются диалектные формы в глагольной парадигме. Глаголы *ойлохо, ухаагнаха* в литературном языке относятся к разряду архаической лексики, а *ухаха* – в нем не свидетельствуется. На примере глаголов *ойлохо* (!), *ухаха* можно сказать, что данные языковые единицы, вероятно, пришли в аларо-унгинский говор через заимствование его носителями монгольских эпических текстов. Значение 'рассудок, ум' у слова *мэдээн*, зафиксированное в унгинской версии Гэсэра, не проникло в литературный бурятский язык.

Действия умственной жизни человека в анализируемом эпическом тексте выражаются синонимическими рядами глаголов: 1) *мэдэхэ, ойлогхо, ойлохо* (!), *ухаагнаха, ухаха* и 2) *ойндоо оруулха, ойндоо ханаха*, а «органы», воспроизводящие названную деятельность, – третьим синонимическим рядом существительных – *мэдээн, ой, ухаан*. Синонимические ряды объединяются по значению текстовых данных как 'понимать' – первый ряд, 'подумать' – второй и 'ум' – третий.

В работе определены основные факторы, влекущие к преобладанию в рассмотренном лексическом материале эпоса собственной сочетаемости в противовес преобладания несобственной – в текстах литературного языка: 1) временной (периоды создания данных текстов имеют разрыв во времени приблизительно в 50 и более лет); 2) противопоставление «диалект vs литературный язык»; 3) противопоставление «устный поэтический текст vs современная художественная проза».

Говоря о важности изучения языка памятников устного поэтического творчества бурят, которые создавались и сохранялись особыми людьми, владевшими народным слогом в самой высокой степени, можно утверждать, что видение мира таких мастеров отличалось чрезвычайной тонкостью восприятия и передавалось ими точными обозначениями в плане выражения, характеризующими признаки как самих сущностей, так и действия умственного мира человека. Посредством анализа несобственной сочетаемости ментальных лексем выявлены признаки самих денотатов, ими выражаемых, т.е. ума/рассудка человека эпохи бытования эпоса. Примеры несобственной сочетаемости рассматриваемых лексем характеризуют ум относительно его размера, обладания светом, силой и мудростью, а также относительного того, что на него может быть оказано «физическое» воздействие. В признаках размера ума/рассудка можно усмотреть его градацию как большой и великий. Все вышеназванные признаки, проявляющиеся языковыми данными, не являются однородными между собой, кроме признаков размера, что говорит о многопризнаковой природе ума.

Анализ языковых особенностей диалектных фольклорных источников бурят определяет перспективы дальнейших исследований, напр., при разработке актуального диалектологического корпуса бурятского языка. В подобном случае работа должна послужить составлению грамматического словаря аларо-унгинского эпоса. Опыт проведенной работы показывает необходимость изучения лексико-семантических аспектов языка улигеров бурят. В целом подобное исследование значимо для прослеживания истории языка, как литературного, так и его диалектных вариантов, их эволюции, что способствует восполнению целостности языковой картины мира этноса.

Финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания ФАНО России (проект XII.193.1.5 «Ментальность монгольских народов в зеркале языка», № АААА-А17-117021310266-8).

Список источников

1. Абай Гэсэр. Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. 315 с.
2. Бадмаева Л. Д. Собственная/несобственная сочетаемость ментальной лексики бурятского языка (на примере слова бодол «мысль, мнение, предположение») // The Journal of Northern Cultures Studies. 2018. Vol. 9. P. 43-56.
3. Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. 3. 439 с.
4. Борискина О. О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка: автореф. дисс. ... д. филол. н. Воронеж, 2011. 40 с.
5. Борискина О. О., Кретов А. А. Корпусное исследование метафорической сочетаемости абстрактной лексики английского языка // Ментальность и меняющийся мир: коллективная монография к 75-летию В. В. Колесова / отв. ред. М. В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. С. 62-76.
6. Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 303 с.
7. Бурчина Д. А. Фразеологизмы в улигерах бурят // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. Вып. 10. С. 227-233.
8. Бурятский корпус [Электронный ресурс]. URL: http://web-corpora.net/BuryatCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 03.10.2020).
9. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. I. А - Н. 636 с.
10. Бурятско-русский словарь: в 2-х т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. Т. II. О - Я. 708 с.
11. Дондуков У.-Ж. Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1964. 245 с.
12. Дугаров Б. С. К генезису унгинской Гэсэриады: хонгодорский фактор // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. Вып. 10. С. 155-159.
13. Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь: в 3-х т. Казань: В университетской типографии, 1844. Т. 1. 594 с.; 1846. Т. 2. 1545 с.; 1849. Т. 3. 2690 с.
14. Кретов А. А., Борискина О. О., Васильева Н. Е. «Полет» мысли и методика исследования криптоклассов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 61-65.
15. Мададаева Г. Рукописи не горят [Электронный ресурс]. URL: <https://burunen.ru/news/culture/73164-rukopisi-ne-goryat/> (дата обращения: 08.10.2020).
16. Морковкин В. В. Основы общей теории учебной лексикографии: дисс. ... д. филол. н. в форме науч. докл. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1990. 71 с.
17. Поппе Н. Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М. - Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. 188 с.
18. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии: публицистика: в 4-х вып. СПб.: Типография В. Безобразова, 1881. Вып. 1. 448 с.; Вып. 2. 305 с.; Типография В. Киришбаума, 1883. Вып. 3. 385 с.; Вып. 4. 1052 с.
19. Рассадин В. И. Иноязычная лексика в языке эпоса «Гэсэр» // Гэсэриада - духовное наследие народов Центральной Азии: материалы Международной научной конференции. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 147-150.
20. Санжина Д. Д. О языке бурятского фольклора // Актуальные проблемы современной фольклористики: материалы Международной научно-практической конференции. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, 2009. С. 48-50.
21. Санжина Д. Д. О языке улигеров хори-бурят // Россия и монгольский мир: вектор на сближение (Егуновские чтения - VII): сборник статей Международной научно-практической конференции в рамках XII Международного всебурятского фестиваля «Алтаргана» / отв. ред. Н. С. Байкалов. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2017. С. 275-279.
22. Сказители земли Усть-Ордынской: биобиблиогр. указ. краеведч. лит. / сост. Л. Т. Хамируева. Усть-Ордынский: Усть-Ордын. окр. нац. б-ка им. М. Н. Хангалова, 2005. 31 с.
23. Уланов А. И. Вступительная статья // Абай Гэсэр. Улан-Удэ: Бур. комплексный НИИ СО АН СССР, 1960. С. 3-12.

24. Хомонов М. П. Бурятский героический эпос «Гэсэр»: эхирит-булагатский вариант. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1976. 187 с.
25. Хундаева Е. О. Бурятский героический эпос «Гэсэр» (знаковая система, традиции, поэтика): дисс. ... д. филол. н. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 305 с.
26. Чагдуров С. Ш. Происхождение Гэсэриады. Опыт сравнительно-исторического исследования древнего словарного фонда. Новосибирск: Наука, 1980. 273 с.
27. Шагдаров Л. Д., Шагдарова Д. Л. Сложное слово в бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. университета, 2015. 250 с.

Информация об авторах | Author information

RU

Бадмаева Любовь Дашинимаевна¹, к. филол. н., доц.

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ

EN

Badmaeva Liubov Dashinimaevna¹, PhD

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude

¹ lbadm@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.11.2020; опубликовано (published): 10.02.2021.

Ключевые слова (keywords): ментальная лексика; эпос; бурятский язык; диалект; сочетаемость; mental vocabulary; epic; Buryat language; dialect; compatibility.